

1894. Июля. № 2329.

C. 1-2.

А. П. Чеховъ *).

111.

Совершенно естественно, что они оба — старая, в походе — до того тесно связаны с жизнью окружающий их природы, что они сами, как тыгровоголовые стада овец, в положении, оцарив себя, становятся для пастуха, аи хотеть бы позвать их в парадный, модный или допотопичный сад и парк.

[illegible]

Гдѣ-то не близко плла женщина, а гдѣ именно и въ какой сторонѣ, трудно было понять. Плесня тихая, тнгушая и заунывная, похожая на плачь и едва улавливая слухомъ, слышалась то справа, то слева, то сверху, то изъ-подъ земли, точно надъ степью носился невидимый духъ и плла. Егорушка оглядывался и не понималъ, откуда эта странная плсня, потому же, когда онъ придумался, ему стало вазаться, что эта плла трава: въ свой плснѣ она, полу-мертвая, уже погибшая, бѣзъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасво; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если-бы не зной и не засуха; вины не было, но она все таки просила у кого-то прошенія и плакала, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя... Вотъ что пишеть о степной плснѣ г. Чеховъ.

Г. Чехов все это чувствует и весь его размах "Счастья" и самая мнѣня пастуховъ о счастье, въ пастушескомъ счастье, въ видѣ вырытаго таинственнаго клада, проливнутаго цѣльнымъ подергомъ степи в степной нахлѣвъ.

— А я, Сашка, все думаю про тот
время, что в Ижевском создали новый
завод. В время обмундирования такое время
(так зарплата была), что там была на-
плата. Значит, такое время? В Благот
Благот, в том смысле, что, где бы
было, была тушная лавка, распродажа на
три Благот: так в городе...

— 712 —

DATE OF RECEIPT

[illegible]

— 2nd: **STAYING STAYERS**. In Jan.

И старик не сумел ответить, что он будет делать с кладом, если найдёт его. За всю жизнь этот вопрос представлялся ему в это утро, впервые, впервые, а судя по выражению лица, легкомысленному и безразличному, не казался ему важным и достойным размышлений. В голове Саньки копилось ещё одно недоразумение: почему клады ищут только старики и кь чему szolgál земное счастье людям, которые каждый день могут умереть от старости? Но недоумение это Санька не умел вылить в вопрос, да едва ли бы старик нашёл что ответить ему.

Оруженное легкой мутью, показалося громадное багровое солнце. Широкия неласы свѣта еще хосеядныя, купался въ ромистой травѣ, потягиваясь и съ веселымъ видомъ, какъ будто старался показать, что это не надобно пить, стали ложиться по землѣ. Серебристая полынь, голубые цвѣты синицей цыбульки, желтая сурѣпа, васильки — все это радостно зинестрило, принявши свѣтъ солнца за свою собственную уаыбку.

Старик и Саня разошлись и стали по краям отары. Оба стояли, как столбы, не шелохнувшись, глядя в землю и думая. Первого не отпускала мысль о счастье, второй задумался о том, что говорилось ночью, интересовало его не самое счастье, а „фантастичность и сказочность человеческого счастья“. А как все это подчеркивается извещающей жарной, потной и законченной расправой „Счастье“.

Синяя олея вздрогнула и кь вагонъ то непонятношъ ужасъ, какъ въ снгузду, бросилась въ сторону отъ стары. И Синяя, какъ будто бы нмъ, в олея, длительныя и тягучія, на изгнение сообщивалъ в ому, въ таковы же непонятношъ, животинношъ ужасъ, бросилась въ сторону, но точношъ же прешлъ въ сея в кутинула. Тмъ знае, нмъ! Неожиданношъ, вѣтъ въ вагъ погнбелъ! А тогда олея, обманъ долгѣ непонятношъ злобъ, стало прикнать змню, оле злобъ, что вѣтъ гнбелъ в вагнало злобъ, вздрогнула въ полусонъ. Старикъ и Синяя со змню перегнали стою у уростъ-полоснншъ протъ стары, стою, не мѣсашъ, какъ финны на во-злѣтѣ, в содрогнншъ думашъ. Ошъ ушъ

C. 1-2.

Бто не дасть-бы себѣ труда хорошенько
взвѣсннть въ сущность этого въ высшей
степени важнаго разсказа, тому онъ по-
чечно поспѣшил-бы, пожалуй, а расту-
тнвъ в обрѣсновенннхъ вѣсехъ нндрѣнн-
стей даде влннннхъ, а въ поскѣ поскнхъ
тнхъ-же блндо поскнхъ нн внздрѣннхъ
тнхъ-же, та, протъ Егорнхъ а в. Хри-
стофера, пожалуй, ннчго а не оставнхъ

No story is a genuine picture, even!

C. 1-2.

В следующем стихе вы изобрели
постановили на твоем языке, какого ри-
суешь т. Чехов, в просторных твоях,
как он к ним относится. Теперь же и
чтобы больше не повторилась эта атом,
идешь обращаясь того, как т. Чехов ри-
суешь и понимает природу. Вот отры-
вочка из описания степи в лучшую ночь.
„Взглянешь на бледно-зеленое, усыпанным
звездами, небо, на котором ни облачка
ни патна, и поймешь, почему теплые во-
духи неважны, почему природа на сто-
роже и боится шевельнуться: ей жутко и
жалко утерять хоть одно мгновение жизни.
(1) необъятной глубины и безграничности
неба можно судить только на заре, да в
степи ночью, когда свѣтит луна. (Он
страшно °), красиво и ласково, гон-
дит темно и манит к себе, а от ласки
его кружится голова. Ёдешь чаша—дру-
гой... Попадаешь на пути молчаливый ста-
рый курган или каменная баба, постав-
ленная Богъ въдаетъ кѣмъ и когда, без-
шумно пролетитъ надъ землею ночная пти-
ца, и мало-по-малу на память приходятъ
степныя легенды, рассказы встрѣчныхъ,
сказки няньки-степнячки и все то, что
смыслъ съумѣлъ увидѣть и постичь
душою. И тогда въ трескотнѣ настѣко-
мыхъ... курганахъ, въ голубомъ небѣ, въ
звонкомъ свѣтѣ, въ полетѣ ночной птицы,
во всемъ, что видишь и слышишь, начи-
нають удивиться торжеству красоты, моло-
дость, развить силу и страстная жажда
жизни; душа даетъ откликъ прекрасной
суровой родинѣ и хочется летѣть надъ
степью вылетѣть съ ночной птицей. И въ
торжествѣ красоты, въ извѣстнѣ счастья
чувствуешь напряженіе и тоску,
какъ будто степь сознаетъ, что она оди-
нкая, что богатство ея и вдохновеніе глѣ-
бѣ даровъ для міра, пятитъ не воспи-
танъ и никому ненужны, и символъ радост-
ный гулъ слышишь ея тоскливый безна-
дежный призывъ: пѣйца! пѣйца!“. Та же
заключенная нотка, такъ вѣрно почув-
ствованная, слышится и тутъ: „когда до-
го, не отрываешь глазъ, смотришь да голу-
бое небо, то почему-то мысли вѣ душа сли-
ваются въ сознаніи одиночества. Начи-
наешь чувствовать себя испорченнымъ оди-
нкой, и все то, что считалъ раньше
благоніемъ в роднѣ, становится блѣд-
но печно дѣлается и не вытѣкает дѣломъ

Полным, глянющим съ себя уже тысяч
летъ, свое непонятное небо и шло, ра
нодушным въ короткой жизни челове
ка, тогда острейшая съ насъ съ глазу
глазъ в стараясь востануть ихъ съ. За
гнелути душу своимъ молчаниемъ; при
дуть на мысль то одиночество, которо
ждать какова въ насъ въ могилѣ, и су
ность жизни представляется отчаянной
ужасной... Хотя, какъ онъ (Егорюшка д
вечий) не стараясь вообразить себя с
ного въ теплой могилѣ, вдале отъ ком
брошеннымъ, безпомощнымъ, и мертвымъ
это не удивлялось ему: лично для себя онъ
не допускалъ возможности умереть и чти
ствовавалъ, что никогда не умретъ... До
полно эти рѣдкія въ красотѣ и глубин
строки еще и сѣдующіе съ сильно и рѣз
ко проведеннымъ штрихомъ. „Въ одно
кой (степной) могилѣ есть что-то грустное
мечтательное и въ высокой степени поэти
ческое... Слышно, какъ она молчитъ
и въ этомъ молчании чувствуете
присутствіе души незнакомца
человѣка, лежащаго подъ кре
стомъ. Хорошо-ли этой душѣ въ степи?
Не тоскуетъ-ли она въ лунную ночь? А
степь подлѣ могилы кажется грустной, уны
лой и задумчивой, трава печальной, и па
хнется, что кузнечики кричатъ сдержан
нѣй... И нѣтъ того прохожаго, который
помянулъ-бы одинокой души и не огляды
вался-бы на могилу до тѣхъ поръ, пока
она не останется далеко позади и не по
крывается мгломъ... Перечислять въ красо
ты, какія есть въ „Степи“ значило бы
перечитать чуть не полноту всей „Сте
пи“. Поэтому ограничусь этими немногими.
Но и приведенныя строки уже достаточно
ясно указываютъ на будущаго автора „Душ
и“ и „Палаты № 6“. Это такъ естествен
но, такъ логически необходимо даже. И
потъ, сказавъ эти слова и чувствуя необ
ходимость и доказать ихъ, насколько это
важно въ рамкахъ этого фельетона.

[illegible]

сти и инстинкты дикимъ стремленіи, и что сознательно уходитъ отъ всего этого, тѣмъ, говоря, природа, почитая тѣхъ, какъ въ нѣмъ находится г. Чеховъ, только укрѣпляетъ и облегчаетъ отлученіе отъ общества; они находятъ тутъ удовлетвореніе для себя и дѣлаютъ для наибольшаго числа людей роль въ шаровыхъ абстракціяхъ, называемыхъ природою и въ такъ сказать съ ней связанной. Это и будутъ отшельники, пустынники, люди не отъ міра сего, и я увижу тутъ, напр., на Бузуду, какъ ни изъясняясь и наиболее явнѣ образомъ развитія такихъ настроеній. Такия натуры, конечно, исключительныя и по своему видошущемуся развитію и по тому, что люди вообще созданы для жизни общества и влеченіе отшельничества индивидуумовъ въ этомъ попятнѣе изъясненіи почти непримодимо. Если представить себѣ человека оторваннымъ отъ общества себя добрыхъ, да еще окруженнаго обстановкой, подчеркивающей эту оторванность, это одиночество, то стремленіе катится назадъ приобрести особую инстинктивность, само общество приобрести въ глазахъ такого человека особую важность, а тѣ силы, которыя затрачиваетъ въ общественную работу такой идеалъ общества, получаютъ новый толчокъ и возмѣтъ. Необходимо также вспомнить, что у натуры богато одаренныхъ подобныя настроенія, развѣ они по чувствозданію и созданы душой, оставаясь навсегда самыя глубокія связи и владутъ наѣвѣтныи отголоскомъ и на самое мировоззрѣніе нѣтъ.

Обращаясь теперь к г. Чахову, мы видим, что, раз это „страшное“ состояние было ужаснуло его своим равнодушием ко всему внешне-бытовому, своим безразличностью, своей действительной страшной неразличимостью, вышло из него чувство отчуждения, внутреннего одиночества, „напряжения и тоски“, то есть оно в расчете на жизнь, оно всей душой начинает опираться и на себя и на все, окружающее, „жизнью красноты, чуждостью, разрывом сил в страстную, жажду жизни, душа его хочет отвлечься от внешнего грубой реальности, для него, весь потуги тут ставшей задачей все это безразлично пройти по жизни, в нем, что оно может не жить, но жить, а жана.

A. A. ZUTER.

⁴ Купеческое собрание 1800-1801 гг.